

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ — один из немногих поэтов, кто сознательно, с самого начала своей литературной работы, старался писать стихи не только для тех, кто их читает, а и для тех, кто их обыкновенно не читает. Вот почему так естественно пришел он к песне, или, вернее сказать, песня пришла к нему. Песне не нужна бумага, ее совсем не обязательно читать.

В песнях Исаковского — он сам постоянно подчеркивал это — следует прежде всего видеть стихи, поэтические произведения. Он называл себя не песенником, даже не поэтом-песенником, а поэтом. Это было для него не игрой в слова, а основополагающим творческим принципом. Знаменитую свою песню, которую пели во всех партизанских отрядах, полках и армиях, песню, которая пережила с народом все беды войны — «В чистом поле, в поле под ракитой, где клубится по ночам туман...», — он не включал в собственные стихотворные сборники и собрания сочинений вплоть до 1968 года только потому, что ему пришлось писать ее на готовую музыку, то есть как песню, а не создавать свободно, как создаются стихи.

И не потому ли так идейно и художественно значительно песенное (употребим здесь это слово) наследие Исаковского, что он твердо придерживался этого принципа?

Исаковский один дал народу песен на целую книгу. «Вдоль деревни», «Дан приказ: ему — на запад, ей — в другую сторону...», «И кто его знает...», «Дайте в руки мне гармонию...», «Ой, туманы мои, растуманы...», «Огонек», «В прифронтовом лесу», «Где ж вы, где ж вы, очи карие?», «Враги сожгли родную хату...», «Лучше нету того цвету...», «Снова замерло все до рассвета...», «Летят перелетные птицы...», «Каким ты был, таким остался...» — невозможно перечислить!

Но можно, охватив мысленным взором это богатство, понять: это же наша жизнь, история, давняя и недавняя, наши — мои, твои, его — судьбы и чувства.

Песня, лирика... Любовь, разлуки и встречи, размолки и примирения. Все это переливается живыми красками жизни в стихах Исаковского, ставших песнями. Ну, а «Летят перелетные птицы...» — боевая публицистика. «Враги сожгли

родную хату...» Мне уже доводилось писать о том, что, если бы в хоре радостных стихов, встретивших нашу Победу, не было этих горестных слов, народ никогда не простил бы этого поэзии. Но они, к чести советской литературы, прозвучали, и прозвучали именно тогда, когда должны были прозвучать. И совсем не случайно их выговорил Исаковский. (Эта же важная мысль, это же чув-

Там лежит,
в сырой земле зарытый,
Там скорен
красный партизан.

Были, конечно, и до Исаковского поэты, чьи стихи становились народными песнями. Но такого широкого и прямого разговора с народом, с массой народа не получилось ни у кого.

Я сказал «разговора». Да, разговора, потому что песни Исаковского породили обрат-

черты характера советского человека.

В 1939 году пением «Катюши» встречали нашу армию жители Западной Украины и Западной Белоруссии. А когда грянула Великая Отечественная, «Катюша» стала одной из главных песен нашей Победы.

Советские солдаты, которые 2 мая 1945 года штурмом овладели столицей фашистской Германии, в мае 1941 года бы-

написал». С огромным подъемом исполнял «Катюшу» Поль Робсон.

Запели «Катюшу» и те, кто поднялся на борьбу за свою свободу, — кубинские патриоты, а позднее — партизаны Колумбии. Они пели русскую советскую песню по-испански и потому называли ее героиню не Катюшей, а Каталиной.

«Катюша» — самая знаменитая песня в литературе и фольклоре. И не только в истории России. Никакую другую лирическую песню не знало, не пело, не полюбило столько людей в стольких странах.

В ПРЕДИСЛОВИИ к сборнику своих статей и заметок на литературные темы Михаил Васильевич писал, что в разных местах тома повторяются одни и те же мысли. Но он решил не менять задним числом текстов, оставить все, как было. Мысли эти, говорит он, я высказывал, пользуясь каждым удобным и неудобным случаем. «И, если придется, буду писать и говорить еще и еще, ибо это — мой «символ веры», ибо то, что я отстаиваю, по-моему, чрезвычайно важно, жизненно необходимо для всей нашей советской поэзии...»

Что именно повторяется в высказываниях Исаковского, он тоже говорит:

«Пожалуй, с тех давних пор, когда я писал стихи, вошедшие затем в мою первую книгу «Провода в соломе», и до настоящего времени, я считал и считал, что поэзия наша при всем своем многообразии, при всей глубине мыслей и чувств, заложенных в ней, при всей своей художественной силе и красоте должна быть простой и понятной для восприятия — простой и понятной, если не буквально для всех, то все же для наибольшего количества читателей». И второе: «...я считал и считал, что стихи, на которые написана или пишется музыка... должны быть не инертными шаблонными текстами, а произведениями подлинной поэзии».

Вот и все заповеди Михаила Исаковского. Но как высоко вознесли они поэта! Да, поэт. И мы должны уточнить сказанное выше: Исаковский дал народу книгу стихов. Стихов, которые, как и хотел того поэт, знают, любят и читают даже те, кто обычно стихов не читает.

Владимир БАХТИН

САМАЯ ЗНАМЕНИТАЯ ПЕСНЯ...

ство восхищения и благоговения перед подвигом народа одушевляли Шолохова, когда он писал «Судьбу человека». Не удивительно, что близок даже сюжет этих столь разных произведений.)

И еще обратим внимание вот на что. Песня «В чистом поле под ракитой», которая была, как воздух, нужна в 1942 или в 1943 году, написана то в 1939-м. А «Лучше нету того цвету...» — в мае 1944-го. За год до Победы она уже готова была служить мирному счастью! А «Загудели, заиграли провода...» — это еще только 1925 год! Еще все было впереди.

Исаковский, мало сказать, идет в ногу с временем — он опережает время, соотносит настоящее с будущим, готовит будущее в умах людей.

Конечно, нужно всячески подчеркнуть — и Михаил Васильевич Исаковский всегда это делал: огромную роль в популярности его песен сыграли прекрасные композиторы, работавшие с поэтом, — Владимир Захаров, Матвей Блантер, Борис Мокроусов и другие. Их вдохновенный труд мы тоже оцениваем по достоинству. Но сегодня, отмечая день рождения Михаила Исаковского, мы, литераторы, прежде всего говорим о нем. Ведь та же прекрасная мелодия В. Захарова уже существовала, и стихи были написаны одним весьма опытным поэтом. Но, как говорится, пошла песня только тогда, когда Исаковский дал ей столь необходимое, как вскоре выяснилось, содержание:

В чистом поле,
в поле под ракитой,
Где клубится
по ночам туман, —

ную волну народного творчества. Известны десятки, сотни продолжений, переделок, «ответов», местных вариантов песен поэта. Такой случай вообще, кажется, уникален.

ИЗ ВСЕХ песен Михаила Исаковского скромная, негромкая «Катюша» выделяется своей поистине небывалой судьбой.

...Весной 1945 года пап римский пригласил к себе советских партизан, воевавших в Италии, чтобы поблагодарить их за помощь в освобождении страны. И вот вообразите: наши воины вступают под своды старинного дворца, и на весь Ватикан раздается слова: «Расцветали яблони и груши...»

Не случайно выбрали они эту песню. Ведь «Катюша» была их гимном. Александр Прокофьев, посетивший Италию, не раз слышал ее, и он написал, что «Катюша» «впереди отрядов партизанских чуть не всю Италию прошла».

Побывал в Италии и сам Исаковский. Ему сказали, что «Катюшу» знают по меньшей мере восемьдесят процентов населения.

Но начнем сначала. «Катюша» была написана в 1938 году. Писалась она трудно, с перерывами, как почти все вещи поэта, под «нажимом». М. Блантера, который создал музыку на первые же полученные им восемь строк. Новую песню не успели еще опубликовать, а ее уже знали, уже пели по всей стране. Для этого понадобилось немного: два или три раза ее исполнили с эстрады.

Катюша, девушка из песни, стала для миллионов людей близкой, как бы существующей, живой — настолько полно выражались в ее характере

ли рабочими, инженерами, колхозниками, студентами — не были они солдатами, но стали ими, когда понадобилось Родине. То же самое произошло и с «Катюшей». Есть песня о Катюше — медицинской сестре, о Катюше — связистке, партизанке: «Жгли фашисты яблони и груши, всю деревню грабили подряд. А под вечер во главе с Катюшей партизанский подошел отряд»...

Профессор И. Н. Розанов собрал около ста произведений, продолжающих песню Исаковского и Блантера. Сто «Катюш!» Ныне этот список можно существенно пополнить. Такого еще не бывало ни с одной песней!

Но и на этом не кончается история «Катюши». «Катюшами» стали звать на фронте самодельные зажигалки, а потом — первые реактивные установки. В 1944 году Исаковский написал «Песню про «Катюшу». Появились и народные песни о «Катюше» — миномете.

Вместе с нашими воинами «Катюша»-песня вступила на освобожденные земли Европы. Ее запели в Болгарии и Венгрии, в Чехословакии и Польше. Ее любили и пели партизаны во Франции, коммунисты Испании.

После войны «Катюша» снова обрела свой мирный облик. Песню о ней подхватили на всех континентах. У меня на столе — японский песенник, подаренный товарищем; не так-то легко разобраться, что там за песни. Но на обложке крупными русскими буквами написано: «Катюша». А украинский поэт Андрей Малышко, побывавший в Америке, свидетельствует: «Негры пели русскую «Катюшу», ту, что Исаковский